

Почему Бертран Рассел не христианин (комментарий к статье Б. Рассела «Почему я не христианин»)

Провозглашение выдающимися учёными и философами своих атеистических убеждений – явление довольно редкое, впрочем, так же как и провозглашение личной церковной религиозности. Помимо неприятия религии открыто декларировали отрицание бытия Бога и невидимого духовного мира Демокрит, Дидро, Фейербах, Фрейд, Сартр. При желании этот ряд кто-то может продолжить, но совсем чуть-чуть. Его нельзя дополнить, например, именами Юма, Маркса и Ницше, поскольку первый, понося религию и не признавая никакой субстанции, всё же допускал бытие Божества, а двое других – отнюдь не отрицатели, но борцы с Богом. Однако волна юмовского скептицизма, докатившись до берегов XX века и обдав философский мир англо-немецким неопозитивизмом, оставляет ему ещё один яркий перл безбожия. Имеется в виду творчество лауреата Нобелевской премии, лорда Бертрانا Рассела (1872–1970).

Разумеется, активная атеистическая позиция Рассела в своё время вызвала достаточно бурную реакцию у представителей различных христианских конфессий на западе. Автор её обличался во многих грехах, привлекался к публичной полемике с ведущими богословами (иезуит, неотомист отец Ф. Копплстон), но разобраться спокойно и по существу в обвинениях, брошенных религиозному миру, к сожалению, пока так и не удалось. Хотелось бы попытаться это сделать пусть даже с запозданием на восемьдесят лет. И хотя рассвет атеизма и позитивизма в Европе уже далеко позади, но всё же некоторыми аргументами английского мыслителя отрицатели религии пользуются и поныне.

Б. Рассел на протяжении своей жизни опубликовал немало работ, излагающих в различных вариациях антихристианские убеждения. Но, пожалуй, наиболее кратко и концентрированно он сделал это в статье-докладе с соответствующим названием «Почему я не христианин», а потому именно её в полном объёме и имеет смысл выбрать для рассмотрения. Заглавие же предлагающихся здесь полемических комментариев, разумеется, говорит о том, что в них противопоставляется иное видение причины атеистического мировоззрения Б. Рассела. Однако сразу надо сказать, что никакого «церковного психоанализа», на который нередко сбивается наша христианская критика, в отношении к автору рассматриваемых рассуждений не допускается. Разговор пойдёт исключительно вокруг построений и выводов мыслителя-атеиста без всяких догадок о психологических, нравственных и прочих подспудных мотивах его высказываний. Итак, обратимся к коротким главам статьи Рассела, впервые опубликованной в СССР в 1958 году, представляя после каждой из них свои оценки, подводящие к заключительному выводу.

Тема моей сегодняшней лекции вам уже известна из речи председателя - "Почему я не христианин". Пожалуй, с самого начала было бы хорошо сделать попытку разобраться в значении слова "христианин". Дело в том, что в наши дни великое множество людей пользуется этим словом в весьма неопределенном смысле. Некоторые люди имеют в виду под христианином всего лишь человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни. В таком смысле, на мой взгляд, христиане нашлись бы во всех сектах и религиях; но мне кажется, что это неправильный смысл слова, хотя бы потому, что из него вытекает, будто люди, которые не являются христианами - все буддисты, конфуцианцы, мусульмане и так далее, - не стараются вести добропорядочный образ жизни. Для меня слово "христианин" вовсе не означает человека, старающегося в меру своих возможностей жить честно. Я полагаю, что, прежде чем получить право называться христианином, вы должны разделять известное количество определенных верований. Правда, ныне слово "христианин" утратило то полнокровное значение, какое оно имело во времена св. Августина и св. Фомы Аквинского. В те дни, когда человек заявлял, что он христианин, все знали, что именно он хочет этим сказать. Быть христианином значило принимать всю совокупность строжайшим образом определенных религиозных представлений и верить в каждую крупницу этих религиозных представлений со всей силой своего убеждения.

Но, кстати, и в наши дни немало православных, а также католиков придерживаются, как и во временах св. Августина и св. Фомы Аквинского, именно такого, достаточно узкого, представления о необходимых условиях принадлежности к христианам.

Что такое христианин?

Ныне совсем не то. Нам приходится быть несколько более неопределенными в своем понимании христианства. И все-таки я полагаю, что можно назвать два разных пункта, принятие которых совершенно обязательно для всякого, кто называет себя христианином. Первый пункт - догматического порядка - заключается в том, что вы должны верить в бога и бессмертие. Если вы не верите в эти две вещи, то, по моему мнению, вы не вправе называться христианином. Во-вторых, как явствует из самого слова "христианин", вы должны разделять известного рода веру в Христа. Ведь мусульмане, к примеру, тоже верят в бога и бессмертие, тем не менее христианами они называть себя не станут. Мне думается, что, как минимум, вы должны разделять веру в то, что Христос был если и не божественной личностью, то по крайней мере самым лучшим и мудрейшим из людей. Если вы не склонны разделять эту веру в Христа, то, на мой взгляд, вы не имеете никакого права называться христианином. Существует, конечно, и иной смысл слова "христианин", который вы

находите в "Календаре" Уитекера да в книжках по географии, где утверждается, что население земного шара делится на христиан, мусульман, буддистов, идолопоклонников и так далее; в этом смысле мы все христиане. Книжки по географии рассматривают нас скопом, но это чисто географический смысл слова, который, я полагаю, мы можем просто не принимать во внимание. Поэтому, задавшись целью объяснить вам, почему я не христианин, я считаю себя обязанным объяснить вам две разные вещи: во-первых, почему я не верю в бога и бессмертие и, во-вторых, почему я не считаю Христа самым лучшим и мудрейшим из людей, хотя я и признаю за ним весьма высокую степень нравственной добродетели.

Если я смог принять столь эластичное определение христианства, то этим я обязан исключительно тем плодотворным усилиям, которые были предприняты неверующими в прошлом. Как я уже указывал, в старину понятие христианства имело гораздо более полнокровный смысл. Например, оно включало в себя веру в ад. Вера в вечный адский огонь до самого недавнего времени составляла необходимую часть христианского вероучения. В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного совета. Правда, архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и потому Тайному совету удалось взять верх над их светлостями, и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан. Вот почему я не стану настаивать на том, что христианин непременно должен верить в ад.

Надо уточнить, что вера в существование ада как места посмертного возмездия за содеянное на земле зло отнюдь не всегда предполагала непременно представление об огне и притом вечном. Ориген и свт. Григорий Нисский отрицали понятие вечности мучений, а преп. Исаак Сирийский отрицал понятие самого огня, определяя загробные страдания души как невозможность пребывания в Божественной любви.

Веру в то, что Христос был самой лучшей и мудрейшей Личностью, вкупе с верой в Бога и бессмертие души нельзя считать достаточным условием принадлежности к множеству христиан. Можно, будучи мусульманином, например, почитать Ису как величайшего Пророка, но при этом не признавать Его как Спасителя и ориентироваться естественно на заповеди Магомета. Можно также признавать мудрость Христа как лучшего в мире философа, но при этом вообще быть далёким от какой бы то ни было религии. Следовательно, быть христианином означает не только верить в истинность учения Христа, но и стремиться следовать этому учению, соотносить свою жизнь с христианскими заповедями. Точно так же магометанин или буддист – это тот, кто прилагает усилия, чтобы построить свою жизнь в соответствии с учением Магомета или Будды. Так что здесь в определении принадлежности человека к христианам Рассел уже допускает ощутимую неточность.

Существование Бога

Переходя к вопросу о существовании бога, я должен заметить, что это - большой и серьезный вопрос, и если бы я вздумал разобрать его хоть сколько-нибудь должным образом, то мне пришлось бы продержат вас здесь до второго пришествия. Так что вам придется извинить меня, если я коснусь его в несколько общей форме. Как вам, конечно, известно, католическая церковь установила в качестве догмы, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения. Это несколько странная догма, но тем не менее она является одной из ее догм. Ввести эту догму католическую церковь вынудило следующее обстоятельство. Одно время вольнодумцы завели привычку утверждать, что можно привести множество аргументов, при помощи которых один разум в состоянии опровергнуть существование бога; для католической же церкви существование бога, разумеется, было вопросом веры. Вольнодумцы принялись рьяно разрабатывать такие аргументы и доводы, и католическая церковь почувствовала, что этому надо положить конец. Оттого-то она и установила, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения, и ей пришлось выработать аргументы, которые, как она полагала, доказывают существование бога. Аргументов таких, понятно, довольно много, но я остановлюсь лишь на нескольких.

Подобного официального догмата, противоречие которому квалифицировалось бы как ересь, в Католической Церкви, как впрочем, и в Православной, нет и быть не может. Идея возможности рассудочного доказательства бытия Божиего относится к области богословской схоластики, которая уже давно утратила свои позиции. В современных учебниках догматического богословия не встретишь никаких подобных доказательств. Речь может идти лишь о свидетельствах в области разума, приводящих, к аксиоматическому убеждению. Подобно тому Декарта к очевидности собственного существования подвёл феномен собственного мышления, знаменитое «*cogito ergo sum*». Для кого-то, быть может, гораздо доходчивее обнаруживают факт самобытия иные, более привычные его проявления. Во всяком случае, аллюзий и парафразов на декартовское изречение в литературе хоть отбавляй. Однако никаких неопровержимых доказательств истинности бытия самого себя, как впрочем, и многого другого вполне очевидного для Рассела, не существует. Можно сказать, что для человеческого разума существуют убедительные аксиоматические свидетельства этого бытия в том числе и бытия Божиего. Например, воспринимая две, поставленных карандашом на бумаге точки, наш рассудок, абстрагируясь от их реальных размеров, приходит для себя к недоказуемому, но аксиоматически убедительному заключению о том, что через них вполне

можно провести прямую линию и притом только одну. Впрочем, надо отдать должное, определённая культура атеистической убеждённости Рассела в отличие от воинствующего советского безбожия отнюдь не допускала принципиальной возможности логически доказать обратное, т. е. небытие Бога.

В других своих произведениях Рассел, как и многие атеисты до и после него, в качестве обоснования истинности бытия чего-либо пользуется упрощённым критерием верифицируемости. В самом незамысловатом варианте это обоснование звучит так: *многие предметы, в том числе и самого себя, как я, так и многие окружающие люди воспринимают своими ощущениями, а, значит, реальность этих предметов и самого себя убедительна; Бога же все обычные люди своим сенсорным аппаратом не воспринимают, лишь единицы на миллионы свидетельствуют о своём сверхчувственном познании Бога, следовательно, убедительным является утверждение о небытии Бога.* Но в соответствие с таким критерием остаётся не понятным, почему Рассел не только верит в бытие, например, атомов, молекул, электронов и проч. элементов микромира, но и берёт его в качестве конструктивной модели для своих изысканий в области логики. Сомнительно, чтобы Рассел собственными глазами когда-нибудь созерцал облако вращения электрона. Ему, как и большинству, критически настроенных в отношении любой веры, приходится всё-таки верить свидетельствам горстки учёных, сподобившихся благодаря своим предварительно полученным знаниям, упорным трудам и приборам заглянуть в микромир. А где гарантия, что они не врут или не галлюцинируют за своими циклотронами и синхрофазатронами? Далее спрашивается, а скольким единицам действительно доступно восприятие классической музыки, представляющей собой, с точки зрения неопозитивистского физикализма (неологизм А. Тарского), лишь набор звуков разной частоты и длительности, а также пауз между ними? Увы, но для подавляющего большинства людей на земле фуги Баха не на много отличаются по их душевному воздействию от «аккордов» слива унитазного бачка. Но, в конце концов, оказывается, что истины мироздания можно распределить по неким экзистенциальным ступеням глубины и сложности их опытного восприятия. Одни из них очевидны всем людям, имеющим стандартный набор сенсоров и адекватное мышление, а другие требуют особой подготовки для своего восприятия, вплоть до раскрытия иных соответствующих органов чувств. И в отношении к подлинным духовидцам обычные люди являют собой массу слепцов, которые поставлены перед выбором между верой и неверия в их свидетельства. Более того, можно сказать, что данные истинного мистического опыта объективны, ибо подтверждаются многочисленными писаниями святых подвижников. Всякий желающий убедиться собственным опытом в достоверности написанного может это сделать, затратив подобающее время и число усилий. Но ведь для компетентного верифицирования многих естественнонаучных истин

требуется ни чуть не меньше желания и соответствующего труда. А если у нас подобных интенций не наблюдается, то, спрашивается, почему мы должны верить одной группе испытателей, свидетельствующих о своих знаниях определённого характера, и не верить другой группе свидетельствующих о знаниях другого характера, при том, что знания эти верифицируемы в пределах каждой из групп. К сожалению, отец Ф. Коплстон, затронув в своей полемике с Расселом тему религиозного мистического опыта, так и не смог или не успел должным образом указать его роль и соотношение с опытом как таковым, а Рассел быстро увёл разговор куда-то по касательной к области этого вопроса.

Аргумент первопричины

Пожалуй, проще и легче всего разобраться в аргументе первопричины. Приверженцы христианства утверждают, что все, что мы видим в этом мире, имеет причину; идя по причинной цепи все дальше и дальше вглубь, вы непременно должны прийти к первопричине, и этой-то первопричине вы и присваиваете имя бога. В наши дни, как мне представляется, аргумент первопричины не пользуется особенно большим авторитетом прежде всего потому, что само понятие причины стало далеко не таким, каким оно было в прошлом. Понятие причины подверглось атакам философов и людей науки и ныне уже не обладает той жизненностью, какой оно отличалось в прошлом; но и помимо этого вы можете убедиться в том, что аргумент, согласно которому должна существовать первопричина, является совершенно несостоятельным.

Признаюсь, что, когда я был еще молодым человеком и весьма серьезно ломал себе голову над этими вопросами, я долгое время принимал аргумент первопричины, пока однажды (мне было тогда 18 лет) не прочел "Автобиографию" Джона Стюарта Милля [4], где наткнулся на следующее место: "Отец объяснил мне, что на вопрос: "Кто меня сотворил?" - нельзя дать ответ, ибо это немедленно повлекло бы за собой новый вопрос: "А кто сотворил бога?" Это необычайно простое место убедило меня, и до сих пор я пребываю в убеждении, что аргумент первопричины является ложным. В самом деле, если все должно иметь причину, то должен иметь причину и бог. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто сама природа может быть ничуть не хуже бога, так что аргумент первопричины абсолютно недействителен.

По своей природе аргумент первопричины ничем не отличается от воззрения того индуса, который считал, что мир покоится на слоне, а слон - на черепахе; когда же индуса спрашивали: "А на чем же держится черепаха?" - тот отвечал: "Давайте поговорим о чем-нибудь другом". И впрямь, аргумент первопричины ничуть не лучше ответа, данного индусом. Ведь нет никаких оснований считать, что мир не мог возникнуть без причины; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что мир не мог

существовать вечно. Нет никаких оснований предполагать, что мир вообще имел начало. Представление о том, что вещи обязательно должны иметь начало, в действительности обязано убожеству нашего воображения. Поэтому, пожалуй, мне нет нужды более тратить время на разбор аргумента первопричины.

Одним из т. н. аргументов, а точнее свидетельств аксиоматической очевидности бытия Божиего (не только для христиан, но, например, и для Аристотеля) действительно может считаться представление о первопричине. Однако Рассел противопоставляет этой модели свою логическую конструкцию, которую он называет убедительной. Первопричины быть не может, по мнению Рассела, потому что закон причинности в таком случае потребовал бы существование причины этой первопричины. Что ж, убедительность в данном случае выдержана в духе крайнего позитивизма. Но подобная схема рассуждений естественным образом должна отрицать и существование, например, актуальной бесконечности на том основании, что за ней на числовой прямой обязательно стоит конечное число. Безусловно, никаких строгих доказательств существования бесконечности, без которой немислимо дифференциальное счисление, нет, на что указал когда-то епископ Д. Беркли И. Ньютону. Здесь математический дискурс терпит т. н. трансфинитный переход, однако же, для подавляющего большинства людей учёного мира (кроме опять-таки ультрапозитивистов) существование актуальной бесконечности почему-то очевидно. Кроме того, аргумент Рассела весьма напоминает известную апорию Зенона о черепахе и Ахиллесе, казуистичность которой ниспровергается математическим понятием предела. Неэвклидова геометрия также даёт представление о возможности качественной трансформации в бесконечности (пересечение параллельных прямых) наших стереотипных конечных моделей. Будучи математиком, Рассел достаточно хорошо понимал, какие горизонты трансцендирования абстрактных дефиниций, т. е. переходов к новым теоретическим положениям, открываются в представлениях о непрерывности. В своей «Философии логического атомизма» он пишет следующее: *«Неэвклидова геометрия подорвала аргумент трансцендентальной эстетики. Вейерштрасс показал, что дифференциальное и интегральное исчисление не требуют понятия бесконечно малого, и что, стало быть, всё, сказанное философами на такую тему, как непрерывность пространства, времени и движения, должно рассматриваться как явная ошибка»*. Почему же в данном случае логический атомист отказывается от напрашивающегося трансцендирования мысли в модели бесконечной цепи причинности, естественным образом требующей своего предела? Кстати, на этот момент деликатно указал Копплстон в своей полемике с Расселом, который оставил его замечание фактически без ответа. Будучи конструктором новой логики, основанной на открытиях новой науки, Рассел в своих рассуждениях об абсолютной причине почему-то изменяет и ей в том числе, наряду с классической логикой Аристотеля. Убеждаясь в очевидности бесконечной

причинности, современный атеист откатывается куда-то в доаристотелевское дискурсивное пространство, противореча, таким образом, самому себе.

Аргумент естественного закона

Далее, весьма широкое распространение получил аргумент естественного закона. Особой популярностью этот аргумент пользовался на протяжении всего XVIII столетия, главным образом под влиянием сэра Исаака Ньютона и его космогонии. Люди заметили, что планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с законом тяготения. И люди решили, что происходит это вследствие того, что бог повелел планетам двигаться именно таким образом, а не иначе. Это было, разумеется, в высшей степени удобное и простое объяснение, которое избавляло людей от заботы смотреть глубже, чтобы дойти до объяснения самого закона тяготения. В настоящее время мы объясняем закон тяготения довольно сложным способом, который был введен Эйнштейном.

В мои намерения не входит читать вам лекцию о законе тяготения, как он был истолкован Эйнштейном, ибо это тоже отняло бы у нас много времени. Для наших целей достаточно сказать, что в нашем распоряжении нет больше понятия естественного закона в том виде, в каком оно существовало в ньютоновской системе, в которой по какой-то непостижимой причине природа вела себя всегда одинаково. Ныне мы обнаруживаем, что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается человеческими условностями. Вы знаете, что даже в отдаленнейших глубинах звездного пространства три фута всегда составляют ярд. Это, вне всякого сомнения, весьма примечательный факт, но вы вряд ли назовете его законом природы. А к той же категории относится очень многое из того, что рассматривалось прежде в качестве законов природы.

С другой стороны, в тех случаях, когда вам удастся получить какие-либо познания относительно того, как в действительности ведут себя атомы, вы обнаруживаете, что они в гораздо меньшей степени подчинены закону, чем это представлялось людям ранее, и что законы, к которым вы приходите, являются статистическими средними именно такого типа, в основе которого лежит случай. Всем вам известно, что существует закон, согласно которому при бросании костей двойная шестерка выпадает только в одном примерно случае из тридцати шести, и мы не усматриваем в этом доказательство того, что падение костей регулируется чьей-то волей; как раз наоборот, если бы двойная шестерка выпадала всякий раз, тогда мы сочли бы, что чья-то воля регулирует падение костей. К этому типу и принадлежат в своем большинстве законы природы. Они являются

статистическими средними того типа, который выводится на основании законов случая; и данный факт делает всю эту историю с естественным законом гораздо менее убедительной, чем это представлялось в прошлом. Но и совершенно независимо от данного факта, отражающего преходящее состояние науки, которое может завтра измениться, вся идея о том, что естественные законы предполагают наличие законодателя, обязана своим возникновением смешению естественных и человеческих законов.

Человеческие законы являются предписаниями, повелевающими вам следовать определенной линии поведения, которую вы можете избрать для себя, но можете и отвергнуть; естественные же законы являются описанием того, как в действительности ведут себя вещи. И так как они являются просто описанием того, как в действительности ведут себя вещи, вы не можете утверждать, что должен существовать некто, предписавший им вести себя таким образом, ибо уже одно предположение об этом выдвигает перед нами вопрос: "А почему бог предписал именно эти законы, а не другие?" Если вы отвечаете, что он это сделал просто по своей доброй воле и без всякой причины, то тогда вы обнаруживаете, что существует нечто, не подчиненное закону, и, таким образом, ваша цепь естественного закона оказывается прерванной. Если же вы отвечаете, как отвечают более правоверные богословы, что во всех тех законах, которые бог предписал, он имел причину предписать именно эти законы, а не другие (причина эта, конечно, заключалась в том, чтобы сотворить наилучшую Вселенную, хотя вам никогда и в голову не придет, что она похожа на наилучшую Вселенную), - словом, если имелась причина для тех законов, которые бог предписал, то в таком случае сам бог был подчинен закону. Следовательно, вы ничего не выгадываете от того, что ввели бога в качестве посредника. Вы приходите, по существу, к признанию закона, независимого от божественных установлений и предшествующего им, и допущение бога бьет мимо цели, так как он не является конечным законодателем.

Короче говоря, весь этот аргумент относительно естественного закона больше не имеет той силы, какой он обладал в прошлом. В своем обзоре аргументов я рассматриваю их во времени. С течением времени аргументы, используемые для доказательства существования бога, меняют свой характер. На первых порах они были незыблемыми интеллектуальными аргументами, воплощающими известные, вполне определенные заблуждения. Когда же мы подходим к Новому времени, они становятся менее почтенными в интеллектуальном отношении и все больше и больше отмеченными печатью своеобразной морализующей неопределенности.

Странно, что Рассел в данном случае не гнушается аргументацией, которую можно назвать альтернативой двух крайностей. Получается, что если в мире не может быть полного детерминизма (факт множества вероятностных процессов), то, следовательно, нужно признать полный окказионализм – вероятностный (стохастический) характер абсолютно всех

процессов. Отсюда, по Расселу, вытекает, что за этими процессами с их такими же случайными усреднёнными законами не может стоять никакого Технолога и Законодателя. Но интересно, почему же, исходя из стохастичности выпадения комбинации костей, подчиняющейся соответствующим законам теории вероятности, или из гейзенберговской неопределённости координат электрона, следует такая же неопределённость во всех процессах макромира? Астрономия, к примеру, не даёт тому подтверждений. Основная задача механики вполне разрешима во многих системах отсчёта, которые называют инерциальными. Так что подобное синтетическое обобщение совершенно не логично. Далее же возникает вопрос, а кто дал право мыслить Творца вселенной настолько ограниченным в своих возможностях, что Ему допустимо создавать только детерминистические модели; ну а поскольку наблюдаются другие, – утверждать Его небытие? Это сравнимо с тем, что кто-нибудь предложит следующую логическую цепь. *Поскольку Бертран Рассел существует и является учёным человеком, то все его изречения должны содержать в себе научные истины. Однако иногда мы слышим от Рассела далеко не научные разговоры. Следовательно, Рассела, а заодно и науки не существовало и не существует.*

Уж если даже человеческая креациология грезит об искусственном интеллекте, то естественно предположить, что креационный Предел, Идеал, т. е. Бог, создавая разумные личностные творения, предоставил им определённый диапазон свободной воли. С одной стороны, для одушевлённых существ имеет место понятие выбора, а с другой, для неодушевлённых предметов и явлений – закон вероятности. Да, определённые кардинальные космологические узлы были жёстко закреплены Создателем, ну а другие – намечены к развитию и совершенствованию, т. е. эволюции. Своей динамичностью и бесконечным множеством возможностей на пути становления вселенная как раз и являет собой особую мудрость её Творца. Увы, но не все разумные творения выбирают богосотворчество, некоторые выбирают т. н. зло, что, в свою очередь, и обуславливает окольные пути и запаздывания на пути развития.

Аргумент целесообразности

Следующая ступень в указанном процессе приводит нас к аргументу целесообразности. Всем вам известно, в чем заключается этот аргумент: все в мире устроено таким образом, чтобы мы могли в нем жить; а если бы мир был устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Именно в этом состоит аргумент целесообразности. Порой он принимает довольно курьезные формы; например, можно услышать, что кролики потому имеют белые хвосты, чтобы в них легче было целиться. Не знаю уж, как оценили бы этот аргумент сами кролики. Аргумент целесообразности является удобной мишенью для насмешек. Всем вам

известна острота Вольтера, что, по-видимому, нос был предназначен для того, чтобы на нем могли держаться очки. Правда, позднее выяснилось, что подобные насмешки не так уж метки, как это могло казаться в XVIII столетии, ибо со времени Дарвина мы стали гораздо лучше понимать, почему живые существа приспособлены к окружающей их среде. Дело вовсе не в том, что среда была создана таким образом, чтобы соответствовать живым существам; наоборот, сами живые существа изменились так, чтобы соответствовать окружающей их среде, и именно это является основой приспособления. Никакой целесообразности это не доказывает.

Когда начинаешь вдумываться в аргумент целесообразности, то просто диву даешься, как люди могут поверить, будто наш мир, со всеми вещами, в нем находящимися, со всеми его изъянами, является самым лучшим, что только смогло создать всемогущество и всеведение на протяжении миллионов лет. Я действительно не могу поверить этому. Неужели вы думаете, что если бы вас наделили всемогуществом и всеведением да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан, фашисты или м-р Уинстон Черчилль? Право, на меня не производят большого впечатления те люди, которые заявляют: "Взгляните на меня: я такое великолепное творение, что во Вселенной непременно должна существовать целесообразность". На меня великолепие этих людей не производит особенно большого впечатления. Вот почему я полагаю, что в действительности аргумент целесообразности является весьма и весьма убогим аргументом. К тому же если вы принимаете обычные законы науки, то вы должны допустить, что в конце концов человеческая жизнь и вообще жизнь на нашей планете прекратится: земная жизнь - всего лишь вспышка; она - ступень в процессе упадка Солнечной системы; на определенной ступени упадка образуются такие температурные и иные условия, которые благоприятны для протоплазмы, и на короткое время в Солнечной системе возникает жизнь. Луна являет вам то состояние, к которому движется Земля, - нечто мертвое, холодное и безжизненное.

Мне возражают, что это угнетающий взгляд, а порой люди еще добавляют, что если бы они согласились с подобным взглядом, то после этого жизнь для них стала бы невыносимой. Не верьте этому; это совершеннейшая чепуха. На самом деле никто не станет особенно волноваться из-за того, что должно случиться через миллионы лет. Если даже иным и кажется, что они всерьез волнуются из-за этого, то на самом деле они обманывают сами себя. Люди волнуются из-за чего-то гораздо более земного, или они просто страдают несварением желудка; но в действительности никто не станет серьезно отчаиваться при мысли о чем-нибудь таком, что должно случиться с нашим миром через миллионы и миллионы лет. Вот почему, соглашаясь с тем, что предположение о неизбежности гибели жизни на самом деле является мрачным взглядом (по

крайней мере, мне кажется, что мы вправе так утверждать, хотя порой, когда я принимаюсь размышлять над тем, какое употребление люди делают для своих жизней, этот взгляд представляется мне чуть ли не утешением), я не могу в то же время признать, что это такой взгляд, который делает жизнь невыносимой. Он просто побуждает вас обратить свое внимание на другие вещи.

В данном случае речь идёт о целесообразности устройства окружающего нас мира, которая сама по себе Расселу отнюдь не представляется очевидной. Обосновывая свои сомнения в отношении целесообразности мироздания, английский скептик откуда-то извлекает образ гипотетического христианина, демонстрирующего себя в качестве «великолепного творения», достигшего предела совершенства. Ну что ж, быть может, Расселу действительно крупно повезло, и он сподобился общения с такого рода уникалом. Но всё же подавляющее большинство христиан различных конфессий способно в самих себе, что называется, отделить котлеты от мух, а именно: отличить то, что вложено Самим Творцом от того, что привнесено собственным злым произволением. То же самое можно сказать и в отношении окружающего мира и общества. Бог не изобретал ни ку-клукс-клан, ни фашизм, ни политические ошибки м-ра Уинстона Черчилля, которые, видно, так сильно досаждали Расселу. Атеистическая мысль философа-неореалиста опять же предлагает модель воображаемого совершенства творчества, напроочь исключаящую предоставление свободной воли своим высокоорганизованным разумным творениям, а, следовательно, и возможность различных проявлений этой свободы. Но это говорит только о том, что не только творческие способности, но даже воображение Рассела почему-то не способны дотянуться до подобной идеи.

Вслед за многими атеистами Рассел объявляет случайным и временным возникновение органической жизни на земле. Доказательств этого утверждения никто предоставить не в состоянии, а потому перед нами возникает один из главных догматов безбожия, в который нужно крепко поверить. И вот здесь-то действительно обнаруживается великий подвиг веры всех исповедников постулата спонтанного космогенезиса. Не случайно один из богословов высказал некогда своё восхищение подобной верой. Действительно, ведь поверить в то, что всю эту сложнейшую вселенную с её законами и гармониями кто-то придумал и создал не так уж трудно: здесь сразу в сознании поднимаются аналогии с творческими способностями человека и всё теми же понятиями причинности и целесообразности. Но поверить в случайность её происхождения... – это всё равно, что поверить в то, что в типографии взорвалась бомба, а в результате взрыва случайно напечаталась многотомная энциклопедия.

Французы говорят: случайность – бог дураков. Но, быть может, ошибаются они: всё-таки не дураков, а гениев веры, способных довести тертуллиановское «верую, потому что абсурдно» до абсурда!?

Нравственные аргументы в пользу существования Бога

Теперь мы снижаемся еще на одну ступеньку в том, что я называю интеллектуальным сошествием (intellectual descent), проделанным теистами в их аргументации, и приходим к тому, что называют нравственными аргументами в пользу существования бога. Все вы, конечно, знаете, что в старину были в ходу три интеллектуальных аргумента в пользу существования бога и что все они были опровергнуты Иммануилом Кантом в его "Критике чистого разума"; но стоило ему опровергнуть эти аргументы, как он тут же сочинил новый аргумент, нравственного порядка, и совершенно уверовал в него. Кант был похож на многих людей: в интеллектуальных вопросах он был человеком скептического склада, но в вопросах нравственных он безоговорочно принимал на веру все понятия, усвоенные с молоком матери. Этот пример служит иллюстрацией настойчиво подчеркиваемого психоаналитиками факта, что идейные ассоциации, возникшие у людей в самом раннем детстве, оказывают на нас гораздо большее влияние, чем идейные ассоциации, возникшие в более поздние годы.

Итак, как я уже сказал, Кант сочинил новый, нравственный аргумент в пользу существования бога, и аргумент этот в различных формах пользовался необычайной популярностью на протяжении всего XIX столетия. Формы, которые принимает нравственный аргумент, весьма многообразны. Одной из них является утверждение, что если бы бога не существовало, то не было бы ни добра, ни зла. Меня в данный момент не интересует, есть ли вообще различие между добром и злом или такого различия нет: это вопрос другой. Меня интересует следующее. Если вы совершенно убеждены, что различие между добром и злом имеется, то тогда вы оказываетесь перед новой проблемой. Обязано ли это различие своим существованием божественному установлению или нет? Если оно обязано своим существованием божественному установлению, в таком случае для самого бога нет различия между добром и злом, и, следовательно, утверждение, что бог добр, утрачивает всякий смысл. Если же вы склонны утверждать, как утверждают богословы, что бог добр, тогда вам придется признать, что добро и зло имеют какое-то значение, которое не зависит от божественного установления, ибо божественные установления являются добрыми, а не злыми независимо от того обстоятельства, что они исходят от бога. Но если вы склонны признать это, тогда вам придется признать и то, что своим возникновением добро и зло обязаны не одному только богу. Разумеется, вы можете, если вам угодно, заявить, что существовало верховное божество, которое отдавало повеления богу, сотворившему этот мир; или вы можете принять воззрение, которого придерживались некоторые гностики, - воззрение, часто представлявшееся мне весьма убедительным, что на самом деле известный нам мир был

сотворен дьяволом в тот момент, когда бог спал. В пользу этого воззрения можно привести немало доводов, и не мое дело их опровергать.

Оставляя в покое Канта, обратимся сразу к тому, что Рассел выявляет в качестве противоречия в отношении категории добра и зла к Самому Богу. По его мнению, нам надо выбирать: либо манихейский онтологический дуализм добра и зла, либо представление о Боге, Который Сам находится по ту сторону добра и зла. Ни то, ни другое для религиозного понятия о Боге неприемлемо. На самом же деле такого рода якобы безвыходная дилемма, в которую Рассел пытается загнать христиан, есть продукт неведения относительно богословского определения генеалогии зла в мире. Несомненно, Бог есть абсолютное Добро, Источник и Мерило всякого добра. Можно сказать, всё, согласующееся с Божественной волей, и есть добро. Но далее проблема сводится к вопросу, откуда же взялось зло, если Бог его не творил и не хотел. Однако именно в отступлении от Бога и заключается генеалогия зла. Зло не есть иная, новая онтология, некая альтернатива онтологии Божественной, но есть инверсия, искажение Божественного устройства во вселенной. Так почему же, спрашивается, Бог допустил возможность разумным существам, к которым относятся ангелы и люди, не только желать, но и творить зло вопреки Собственным планам и желаниям? Да потому что, будучи Сам Любовью, дал возможность и Своим сотворённым личностным существам приобщиться к этому главному величайшему благу. А любовь не возможна без альтернатив: какая же это любовь, если нет выбора, если нет возможности не любить – иными словами, нет свободы? Таким образом, свобода является непременным атрибутом любви. Да, действительно, как говорят некоторые богословы (в частности, В. Н. Лосский), Бог пошёл на риск, ибо для Его разумных созданий возникает возможность предательства, возможность отторжения любви к своему Создателю, А это и являет собой зло. В то же время Бог предоставляет всем, пожелавшим иного пути существования, столкнуться с экзистенциальными следствиями своего выбора, предупреждая их о том заранее. Подобно тому любящие и мудрые родители, желая блага своему повзрослевшему ребёнку, разъясняя ему закономерности жизни, тем не менее, отказываются от насилия над его свободой, даже когда имеют такую возможность. Они переживают все выходки его бунта против самих себя, как бы ни было им больно, ожидая, когда их чадо перебесится и сам поймёт свои ошибки. Эту аналогию как раз и развёртывает перед нами величайшая евангельская притча о блудном сыне.

Аргумент искупления несправедливости

Нравственный аргумент принимает и иную, весьма любопытную форму, которая сводится к следующему: приверженцы христианства утверждают, что существование бога необходимо для того, чтобы утвердить в мире справедливость. В известной нам части Вселенной царит

великая несправедливость; часто праведные люди страдают, а порочные преуспевают, и не знаешь, по поводу чего больше сокрушаться; но если вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала во всей Вселенной, то вы должны допустить существование загробной жизни, где равновесие жизни, прожитой здесь, на земле, окажется восстановленным. Таким образом, приверженцы христианства заявляют, что должен существовать бог и должны существовать рай и ад, чтобы в конечном счете справедливость могла восторжествовать.

Это весьма любопытный аргумент. Если взглянуть на дело с научной точки зрения, то придется сказать: "В конце концов, я знаю только этот мир. Об остальной Вселенной я ничего не знаю, но, насколько вообще можно рассуждать о вероятном, следует заключить, что, наверное, этот мир является великолепным образцом, и раз здесь царит несправедливость, то, по всей вероятности, несправедливость царит и повсюду". Представьте себе, что вы получили корзину апельсинов, раскрыли ее и обнаружили, что весь верхний слой апельсинов сгнил; ручаюсь, что вы не станете рассуждать: "Внизу апельсины должны быть хорошими, чтобы восстановить равновесие". Нет, вы решите: "Наверное, вся корзина никуда не годится"; и именно таким в действительности будет ход рассуждений научно мыслящего человека о Вселенной. Он решит: "Здесь, в этом мире, мы обнаруживаем много несправедливого, и это дает нам основание предположить, что справедливость не правит в мире; следовательно, данный факт служит нравственным аргументом против существования божества, а не в пользу его существования". Я, конечно, знаю, что в действительности принимать христианство людей побуждают вовсе не те интеллектуальные аргументы, о которых я беседовал с вами. Причины, которые в действительности побуждают людей верить в бога, вообще не имеют ничего общего с интеллектуальными аргументами. Большинство людей верит в бога просто потому, что эту веру в них вдалбливали с младенческих лет, и это - главная причина.

Другой могущественнейшей причиной, на мой взгляд, является желание иметь ангела-хранителя, своеобразное чувство, что у тебя есть старший брат, который позаботится о тебе. Это чувство играет весьма серьезную роль в том, что оказывает влияние на стремление людей верить в бога.

Во-первых, нужно отметить, что пример с корзиной апельсинов совершенно неудачен. Ход рассуждений именно научно мыслящего человека при виде в ней испорченного верхнего слоя должен предусмотреть возможность различных причин этого явления. Общая порча – это только один из вероятных вариантов, но есть и другие: например, попадание воды на верхний слой, обмораживание верхнего слоя и т. п., при которых апельсины снизу могут остаться неповрежденными. Во-вторых, если уж рассматривать того самого научно мыслящего субъекта, то логичнее взять и образец поближе к науке, например, закон сохранения энергии в замкнутой системе.

Если убывает энергия в одной её точке, то она естественно настолько же должна прибывать в другой или в других точках той же системы. Так что представление о компенсации, которое Рассел почитает наивным и ненаучным в данной модели оказывается вполне правомерным. Однако все эти примеры и аналогии не играют существенной роли в сравнении с другим моментом.

Вполне закономерно, что ребёнок получает с младенческих лет в религиозной семье неосознанные представления об истинах веры, так же как впрочем и об истинах нравственности и даже науки. Но проходит время и при желании, а также определённых усилиях, т. е. соответствующей интенции, человек приходит к восприятию на более глубоком уровне, в том числе и интеллектуальном, того, что когда-то усвоил в простоте веры. Этому способствуют учебные пособия, учителя и жизненный опыт. В сфере же религиозного развития поначалу интуиция представлений о справедливости, свидетельства Священного Писания и других христианских источников, как письменных, так и устных, приводят нас к осознанию загробного воздаяния за всё доброе и злое, содеянное людьми в этом мире. Но далее непременно у религиозно живого человека должно происходить углубление этого понимания, а также его интеллектуальная интерпретация. Человек внимательный к себе непременно на опыте ощущает, что любое зло в зависимости от его меры приводит к соответственному ухудшению внутреннего состояния – тому, что иногда называют отягощением души. Бескорыстная же добродетель, напротив, облегчает душу, насыщая её энергией жизни и особой духовной радостью. Сознание начинает всё более и более ориентироваться именно по этой шкале, в этих координатах, которые можно назвать метафизиологическими. При желании, конечно, совесть можно активно глушить и уходить от объяснений с самим собой, но от этого реальность метафизиологической динамики никуда не исчезает. Таким образом, грехи определяют отнюдь не отвлечённую юридическую ответственность перед каким-то заоблачным судом, но деструктивные процессы, происходящие в тонких сверхчувственных областях человеческой природы. Подобно тому алкоголизм и в большей степени наркомания постепенно разрушают человеческое естество по вполне определённым законам, независимо от того, знает их наркоман или алкоголик или нет. Так что рай и ад человек вполне способен экзистенциально ощутить ещё до расставания со своим физическим телом. Приближающийся к Богу в добре ещё на земле начинает всё больше и больше испытывать и привыкать к духовным радостям, которые постепенно освобождают его даже от т. н. естественных зависимостей в этой жизни. Подобно тому как взрослеющие дети оставляют свои детские игрушки и постепенно входят в мир взрослых интересов, святые вырастают из потребностей в обычных человеческих удовольствиях, возносясь к блаженству иного порядка. Для таких людей рай и его созерцания наступают уже на земле. Ну а для избравших противоположный путь наступает нечто противоположное.

Свидетельства о метафизиологическом воздействии греха можно также усмотреть ещё в начале книги Бытия, когда Адам и Ева, совершив отступление от Бога, увидели себя обнажёнными. Неужели, спрашивается, до того они всё время ходили, задрав головы к небу, и не видели друг друга и самих себя, а когда согрешили, то опустили головы и удостоверились в печальном факте своей наготы? Да нет, конечно же, понять эти строки Писания можно только совсем в ином ключе. Природа человека, всецело устремлённого к Богу, отражает собой духовный Божественный свет. Подобно тому обращённая к солнцу сторона луны отражает свет солнечный. А потому наши прародители в первоизданном состоянии видели друг друга в этом Божественном сиянии. Но как только произошло грехопадение, отторжение от источника света, то и отражение этого света человеческой природой прекратилось. Они оказались в той экзистенции и в том виде, который всем нам на сегодня хорошо знаком и которого, увы, надобно стыдиться.

Личность Христа

Теперь я хочу сказать несколько слов по теме, которой, как мне часто казалось, рационалисты уделяют явно недостаточное внимание, а именно по вопросу о том, был ли Христос самым лучшим и мудрейшим из людей. Обычно считается само собой разумеющимся, что в этом вопросе все мы должны быть согласны - да, был. Но я думаю иначе. Я полагаю, что найдется очень много пунктов, в которых я соглашаюсь с Христом гораздо больше, чем люди, исповедующие христианство. Не думаю, чтобы я смог следовать за Христом до конца, но я смог бы следовать за ним значительно дальше, чем может это сделать большинство людей, исповедующих христианство. Вы помните, что он сказал: "...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую..." (Мф 5:39). Слова Христа не выражали какой-либо новой заповеди или нового принципа. Лао-цзы и Будда применяли этот принцип лет за 500 или 600 до Христа, но разве христиане принимают этот принцип на деле?

Я нисколько не сомневаюсь, например, что нынешний премьер-министр [5] является самым искренним христианином, и все же я никому из вас не посоветовал бы пойти и ударить его по одной щеке. Вы смогли бы убедиться, я уверен, что, по его мнению, Христос придавал этим словам переносный смысл. Имеется и другой пункт, который мне кажется прямо-таки великолепным. Вы помните, что Христос сказал: "Не судите, да не судимы будете" (Мф 7:1). А пользовался ли этот принцип популярностью в судах христианских стран? Не думаю, чтобы вам удалось это обнаружить.

Я лично уже в свое время знал немало судей, которые являлись самыми ревностными христианами, но ни одному из них даже в голову не приходило, что в том, что они делали, они поступали вопреки христианским принципам. А потом Христос говорит: "Просящему у тебя дай и от

хотящего занять у тебя не отвращайся" (Мф 5:42). Это очень хороший принцип.

Ваш председатель предупредил вас, что мы собрались сюда не для того, чтобы заниматься обсуждением политических вопросов. И все же я не чувствую возможности удержаться от замечания, что на последних всеобщих выборах борьба разгорелась как раз по вопросу о том, как желательно было бы отвратиться от хотящего занять у тебя. Поневоле начинаешь думать, что партии либералов и консерваторов в нашей стране составлены из людей, которые не согласны с учением Христа, ибо они в этом случае, несомненно, самым решительным образом отвратились.

Я могу сослаться еще на одну заповедь Христа, которая, на мой взгляд, заслуживает всяческого одобрения, но я что-то не вижу, чтобы она пользовалась особой любовью среди некоторых из наших христианских друзей. Христос говорит: "...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим..." (Мф 19:21). Это великолепнейшая заповедь, но, как я уже сказал, в жизни ей не очень-то следуют.

Все это, на мой взгляд, прекрасные заповеди, хотя жить согласно этим заповедям несколько трудновато. Я не хочу сказать, что сам живу согласно этим заповедям; но, в конце концов, я не ставлю перед собой подобной цели, да и спрос с меня другой, нежели с христианина.

Как это ни прискорбно, но в этом пункте с Бертраном Расселом очень трудно не согласиться. Мы христиане в большинстве своём действительно очень редко и мало живём по-христиански. А уж что касается системы и принципов управления в государствах, формально принадлежащих к христианскому миру, то тут заповеди Христовы даже на пушечный выстрел не подпускают к т. н. здравомыслию политического реализма. Впрочем, такое положение, когда лишь единицы на многие тысячи именующих себя христианами пытаются жить по-христиански, наблюдается не только в наше время. Ещё на рубеже V-го века по Р. Х. свт. Иоанн Златоуст ставил в своих проповедях риторический вопрос: почему несмотря на пришествие Христова в мире так много язычников. И затем отвечал на него: да потому, что мы христиане христианами на самом деле не являемся. Почти нет достойных примеров! Но всё же и при таком печальном факте отличие между нехристом и церковным христианином, несмотря на все его немощи и грехи, в общем случае существует. А заключается оно в том, что человек, видящий идеал жизни в заповедях Христовых, тем самым свидетельствует о разотождествлении своего духа, своего высшего сознания с этим грешным бессмысленным существованием. Его внутреннее сокрушение и покаяние говорит о том, что новый человек, идеальный человек, в нём всё же жив, хотя и закован в узы страстей и даже пороков. Об этом в своё время замечательно писал в «Дневниках писателя» Ф. Достоевский.

Изъяны в учении Христа

Отдав должное этим великолепным заповедям, я перехожу к некоторым пунктам, в которых, на мой взгляд, нельзя усмотреть ни высочайшей мудрости, ни величайшей благодати Христа, которые ему приписываются в евангелиях. В данной связи я могу заметить, что мы не заняты исторической проблемой. Исторически вообще весьма сомнительно, существовал ли когда-либо Христос; если же он существовал, то о нем мы ничего не знаем. Таким образом, я не занимаюсь сейчас исторической проблемой, которая является необычайно трудной проблемой. Я занят тем Христом, который изображен в евангелиях, принимая евангельский рассказ, как он есть; и здесь мы находим ряд вещей, которые отнюдь не свидетельствуют об особой мудрости Христа.

Начну с того, что Христос, несомненно, считал, что его второе пришествие произойдет в облаках славы еще до того, как смерть унесет всех людей, живших в его время. Это доказывают очень многие места из евангельских текстов. Например, Христос говорит: "...не успеете обойти городов израилевых, как придет сын человеческий" (Мф 10:23). И еще он говорит: "...есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем" (Мф 16:28); есть много и других мест, из которых совершенно ясно, что Христос верил в то, что его второе пришествие произойдет еще при жизни многих живших в то время людей. Веру эту разделяли и ранние последователи Христа, и она составляла основу многих элементов его нравственного учения. Когда Христос говорил: "Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф 6:34) - и другие подобные вещи, им двигало в весьма значительной мере убеждение, что второе пришествие произойдет в самом скором времени и что все обыденные, мирские дела не стоят и ломаного гроша.

Мне самому доводилось знать некоторых христиан, которые верили, что наступление второго пришествия близко. Так, я знал одного приходского священника, который до смерти напугал свою паству, сказав перед ней, что не сегодня-завтра непременно наступит второе пришествие; правда, его прихожане вполне утешились, когда увидели, что он сажает в своем саду деревья. Но ранние христиане на самом деле верили в это и воздерживались от таких вещей, как посадка деревьев в своих садах, ибо они действительно восприняли от Христа веру в близкое наступление второго пришествия. Ясно, что в данном отношении Христос не был столь мудр, как некоторые иные люди, а уж о высочайшей мудрости его и вовсе говорить не приходится.

Переходя к своим личным претензиям ко Христу, Рассел обозначает первый т. н. изъян в Его учении: а именно, пророчество о Своём скором втором пришествии – пророчестве, которое на поверку должно считаться ложным. Рассел приводит несколько выдержек из Евангелия, где якобы чётко

говорится о том, что уже многие апостолы станут свидетелями этого пришествия. Сюда же он почему-то относит и заповедь Христа: «не заботьтесь о завтрашнем дне». Думается, что в данном случае почти любой христианин ответит, что подобная заповедь совершенно не связана с пророчеством о грядущем конце света. Об этом говорит хотя бы дальнейшее её объяснение: «...ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 34). Кроме того, предыдущие слова Спасителя вне всякого эсхатологического контекста содержат обетование в случае отказа от сердечных забот о временном благе: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33). По всей вероятности, Расселу оказалось просто невозможным в принципе представить такого рода свободу человеческого сознания от всяких житейских попечений, и он решил непременно связать это с концом света. Но ведь Христос не призывал к квиетизму, т. е. ничего не делать: Он призывал именно не отягощать сердце всевозможными мирскими заботами (Лк. 21, 34). Что же касается слов «...есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в царствии Своем» (Мф. 16, 28), то все экзегеты видят в них однозначное указание на откровение Сына о Своей славе в событии Преображения на Фаворе, тем более, что следующая глава Евангелия от Матфея сразу приступает к его описанию.

Далее по поводу конкретных сроков грядущих эсхатологических событий. И здесь в общем-то не так уж сложно разобраться в том кажущемся противоречии, которое Рассел пытается заострить, сопоставляя пророчества Сына Божиего с реальным ходом истории. Достаточно привести опять же фразу Самого Христа, где Он, по сути, запрещает Своим ученикам заниматься догадками и расчётами конкретных сроков тех или иных будущих событий: «Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. 1, 7). Спаситель говорил также, что «о дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мр. 13, 32). Но в то же время Он многократно предлагал всем Своим слушателям духовно бодрствовать в силу этого самого незнания. Очевидно, что события конца мира вполне могли наступить и в те далёкие времена, ибо это во многом зависело от того, насколько будет принято на земле учение Нового Завета и насколько много окажется его последователей.

Затем надо отметить, что под тем самым концом, к которому Христос заповедовал быть готовым всегда, подразумевается не только общий конец этого света и переход его в иное состояние, но и конец частный, частная эсхатология, т. е. физическая смерть человека. А потому в предупреждении апостолам «...не успеете обойти городов израилевых, как придет Сын Человеческий» (Мф. 10, 23), данном ещё задолго до общих эсхатологических пророчеств, можно прочесть указание на грядущую личную встречу каждого из них со Христом в Его небесном облике после окончания земного

пути. Здесь звучит призывание к терпению до самой телесной смерти, о чём можно заключить, исходя из контекста всей главы, в частности, предыдущих слов: « Будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22). А спастись – это и означает увидеть Сына Человеческого в его славе, которую созерцали многие апостолы (архидиакон Стефан) и мученики перед своей исповеднической кончиной.

Моральная проблема

Вопрос о личности Христа надо рассмотреть и в нравственном плане. В нравственном облике Христа имеется, на мой взгляд, один весьма серьезный изъян, и заключается он в том, что Христос верил в ад. Я не могу представить себе, чтобы какой-нибудь человек, действительно отличающийся глубокой человечностью, мог верить в вечную кару. А Христос, как он изображен в евангелиях, несомненно, верил в вечное наказание, и мы неоднократно находим места, в которых он исполнен мстительной злобы против людей, не желавших слушать его проповеди, отношение к инакомыслящим, которое отнюдь не является необычным у проповедников, но которое несколько умаляет величие такой исключительной личности, как Христос. Вы не обнаружите подобного отношения к инакомыслящим, например, у Сократа. Сократ относился к людям, не желавшим его слушать, добросердечно и снисходительно; и такое отношение представляется мне гораздо более достойным поведением для мудреца, чем гнев. Вероятно, вы все помните, что говорил Сократ перед своей смертью и что он всегда говорил, обращаясь к людям, расходившимся с ним во мнениях.

А в евангелиях вы найдете, что Христос говорил: "Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?" (Мф 23:33). Эти слова были обращены к людям, которые не приходили в восторг от его проповедей. Это никак нельзя, по-моему, признать наилучшим тоном, а в евангелиях есть очень много подобных мест об аде. И прежде всего, разумеется, известное место о прегрешении против святого духа: "...если же кто скажет на духа святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем" (Мф 12:32). Это место причинило миру неисчислимые страдания, ибо люди всех состояний и положений вбили себе в голову, что они совершили грех против святого духа, который не простится им ни в сем мире, ни в будущем. Я отнюдь, действительно, не думаю, чтобы человек, по своей природе наделенный в какой-то мере добротой, стал сеять подобные страхи и ужасы в нашем мире.

Далее Христос говорит: "Пошлет сын человеческий ангелов своих, и соберут из царства его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов" (Мф 13:41-42); и он еще долго продолжает говорить относительно плача и скрежета зубов. Это повторяется во многих стихах, и для читателя становится совершенно

очевидным, что Христос предвещает плач и скрежет зубовой не без некоторого удовольствия, иначе он не заводил бы об этом разговор так часто. Затем все вы, конечно, помните место про овец и козлов: как он в свое второе пришествие собирается отделить овец от козлов и сказать козлам: "...идите от меня, проклятые, в огонь вечный..." (Мф 25:41). А далее он снова говорит: "И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает" (Мк 9:43-44). Эта тема тоже повторяется много раз. Я вынужден заявить, что вся эта доктрина, будто адский огонь является наказанием за грехи, представляется мне доктриной жестокости. Это доктрина, которая посеяла в мире жестокость и принесла для многих поколений человеческого рода жестокие муки; и Христос евангелий, если принять то, что рассказывают о нем его же собственные летописцы, несомненно, должен быть признан частично ответственным за это.

В евангелиях есть и другие, менее значительные вещи того же порядка. Возьмите пример с гадаринскими свиньями; вы, конечно, согласитесь со мной, что Христос не очень-то милосердно обошелся со свиньями, вселив в них бесов, так что стадо бросилось с крутизны в море. Вы должны помнить, что Христос был всемогущ и мог просто велеть бесам убираться на все четыре стороны; но он предпочел вселить их в свиней. А вот еще странный рассказ про смоковницу, который меня самого всякий раз совершенно озадачивал. Вы помните, что случилось со смоковницей. "Он взалкал; и, увидев издалика смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев; ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И... Петр говорит ему: Равви! посмотри, смоковница, которую ты проклял, засохла" (Мк 11:12-14,21). Это действительно весьма странный рассказ, ибо дело происходило в такое время года, когда смоквы еще не созревают, и дерево было совершенно неповинным. Словом, я решительно отказываюсь признать, что в вопросах мудрости или в делах добродетели Христос занимает такое же высокое место, как некоторые другие люди, известные нам из истории.

Мне думается, что я лично поставил бы Будду и Сократа в обоих этих отношениях выше Христа.

Следующая претензия Рассела ко Христу сводится к некоему недотягиванию проповедуемой Им морали Нового Завета до высоты, например, Сократа или Будды. А не дотягивает она до уровня живших до Христа мудрецов, по мнению почтенного лорда, из-за проявлений злобы, гнева, нетерпимости к людям вообще и к слушателям в частности, из-за веры в ад и вечные муки, а также запугивания ими. Разумеется, что ответом на подобные выпады может служить своего рода экзегетическая теодицея, которая уже давным-давно существует в христианской литературе. Известна ли была она Расселу – не понятно, но, во всяком случае, он не представляет

своим слушателям и читателям никакой полемики с её аргументами. Поэтому здесь лишь остаётся воспроизвести то, что уже не раз было сказано, быть может, только в несколько адаптированной вариации.

В первую очередь, надо заметить, что само понятие о т. н. вере Иисуса Христа во ад выглядит весьма забавно. О какой вере здесь может идти речь, когда мы слышим свидетельства Сына Божиего о том, что Он «видел сатану спавшего с неба, как молнию» (Лк. 10, 18). Вера и видение – далеко не одно и то же. Для человека слепого бытие таких вещей как солнце или ущелье скал действительно является предметом веры, поскольку у него нет органов чувств, которыми бы он мог удостовериться в их существовании. Но для зрячего предметов веры здесь нет и быть не может: есть предметы видения и знания. Поэтому в этих высказываниях Рассела звучит голос не просто слепоты, но слепоты даже не подозревающей о возможности зрячести, объявляющей свидетельства зрячих, да и саму зрячесть вымыслом, галлюцинацией – всем, чем угодно, но только не реальностью. Но если всё-таки представить, что существуют зрячие, существуют те, кто не только верит в наличие ада, но и созерцает его реалии, то напрашивается совсем другая оценка тех серьёзных предупреждений, которые встречаем мы во многих евангельских фрагментах. Вновь обратимся к аналогиям. Допустим, отец, имея немалый жизненный опыт, не просто догадывается, но несомненно знает, чем кончается для человека употребление наркотиков. С особой болью предупреждает он о страшной опасности своего несмышлёного сына, решившего побаловаться этим снадобьем. Что, спрашивается, что за этим стоит? Удовольствие попугать глупенького сынишку или нечто иное? По логике Рассела выходит, что такие родительские предупреждения и объяснения последствий наркотического медленного самоубийства звучат не слишком гуманно. Но ведь любой грех есть деструктивная операция по отношению к самому себе и являет собой в той или иной степени то же самое самоубийство. Сократ и Будда при всей их духовной высоте, при всём желании помочь людям не могли видеть состояние человеческого рода в его духовном измерении, тем более, что они не приносили самих себя в жертву за него; а потому совершенно правомерно и не свидетельствовали о том, чего не знают. Однако интересно, как бы поступил уважаемый гуманист Бертран Рассел, если бы он не жизнь, но хотя бы всё своё состояние отдал ради жизни и блага собственного ребёнка; ну а тот посмотрел бы на это, покуривая марихуану, поплёвываясь, а потом процедил сквозь зубы: «эх, ну и дурак же ты, папаша». Так вот, в обличениях и предупреждениях Христа вовсе не звучит ни обиды, ни злобы, но лишь любовь и боль за весь наш человеческий род, который в нарушениях законов жизни сам себя обрекает на растление в том самом пресловутом аду. Бог не карает человека: он не способен ни обижаться, ни мстить, ни злопамятствовать, Он делает всё от Себя возможное, чтобы вытащить человека из бездны его падения. Но Он не в состоянии этого сделать, если в рамках данной человеку свободной воли человек сам этого не захочет и не

протянет Богу руку, за которую его можно вытащить на свет из тьмы. И в этой связи спрашивается, а кто может поручиться, что непременно все без исключения отступившие от Бога существа захотят собственного спасения и обращения к источнику жизни. Любопытно, способен ли «какой-нибудь человек, действительно отличающийся глубокой человечностью», со всей ответственностью предоставить гарантию, поручиться за конечное волеизъявление к добру абсолютно всех людей. А если нет, то в таком случае естественно следует представление о возможности того, что именуют вечным мучением.

Другого рода моральный изъян Рассел усматривает уже не только в словах, но и в непосредственных действиях Иисуса Христа. За что же Сын Божий обрёл на гибель целое стадо ни в чём неповинных свиней и бедную смоковницу, на которой и не могло в то время быть никаких плодов? Ну во-первых, надо сказать, что Христос отнюдь не Сам ни с того, ни с сего «предпочёл вселить» бесов в свиней, как это представляет нам Рассел, а выполнил просьбу демонических духов, мучавших дотоле человеческую душу одного из жителей Гадаринской страны. Во-вторых, люди, как известно, разводят свиней вовсе не от избытка любви к фауне, а совсем с другими целями. В-третьих, из дальнейшего повествования о том же событии можно составить себе представление об особой инертности гадаринцев, которые, увидев всю эту картину исцеления бесноватого, не только не пожелали воспользоваться силой пришедшего к Ним спасителя, но попросили Его поскорее удалиться. Тем не менее, Христос сделал всё возможное, чтобы этим зрелищем полного исступления целого стада свиней продемонстрировать всем очевидцам сознательную разрушительную силу демонов, которая может войти в человека, потерявшего своими грехами связь с Хранителем собственной жизни. Подобно тому медики дабы предостеречь всех, не особо заботящихся о своём здоровье, иногда на наглядных пособиях демонстрируют тлетворное воздействие вирусов и паразитов на человеческий организм, потерявший свой природный иммунитет. В случае же со свиньями дидактическая ценность произведённого на зрителей эффекта наглядного проявления злобы бесплотных паразитов, с которыми каждому из нас рано или поздно предстоит встреча, выше ценности жизни животных, предназначенных на съедение людьми. Тот же дидактический момент просматривается и в случае со смоковницей. Вряд ли Спаситель был настолько неадекватен, что искал на дереве то, что заведомо невозможно было на нём найти. По всей вероятности, в листьях смоковницы не оказалось ни одной завязи, которая бы могла в руках Сына Божиего мгновенно стать зрелым плодом. А далее в контексте многочисленных рассказанных ранее притч о плодоношении, отражающих архетипы духовных законов Царствия Божиего в сердце человека, Христос воспользовался бесплодным деревом как наглядным пособием для Своих учеников. Всё это вполне закономерно и объяснимо даже на уровне наших простейших представлений о психологических принципах и приёмах обучения.

Эмоциональный фактор

Как я уже указывал, действительная причина того, почему люди принимают религию, на мой взгляд, не имеет ничего общего с доводами рассудка. Люди принимают религию из эмоциональных побуждений. Часто нас уверяют, что нападать на религию весьма пагубно, ибо религия делает людей добродетельными. Уверяли в этом и меня; но я что-то не примечал, чтобы дело происходило действительно так. Всем вам, несомненно, известно, как пародировал этот аргумент Сэмюэл Батлер [6] в своей книге "Возвращение в Едгин". Вы помните, что в "Едгине" изображен некий Хиггс, который попадает в далекую страну, проводит здесь некоторое время, а потом бежит из этой страны на воздушном шаре. Двадцать лет спустя Хиггс возвращается в ту же страну и обнаруживает, что едгинцы исповедуют новую религию, в которой предметом поклонения является он сам под именем Сына Солнца; и про него рассказывают, что он вознесся на небо. Хиггс прибывает как раз в канун торжеств по случаю праздника вознесения. Он подслушивает разговор профессоров Хэнки и Пэнки, рассказывающих друг другу, что они никогда и в глаза не видывали человека Хиггса и, надеются, никогда не увидят; однако именно они и являются первосвященниками религии Сына Солнца. Хиггс приходит в великое негодование, приближается к ним и заявляет: "А я возьму да и разоблачу все это шарлатанство и расскажу жителям Едгина, что Сын Солнца - это всего лишь я, человек Хиггс, и это я улетел на воздушном шаре". Но Хэнки и Пэнки отвечают ему: "Вы не должны этого делать, ибо на мифе о Сыне Солнца держится вся нравственность этой страны, и если только едгинцы узнают, что вы не возносились на небо, все они погрязнут в пороках". Довод этот убеждает Хиггса, и он мирно покидает страну.

Именно эту идею внушают нам приверженцы христианства - будто все мы погрязли бы в пороках, если бы не придерживались христианской религии. А я полагаю, что как раз те люди, которые придерживались христианской религии, и отличались в большинстве своем вопиющей порочностью. Вы признаете, разумеется, тот любопытный факт, что, чем сильнее были религиозные чувства и глубже догматические верования в течение того или иного периода истории, тем большей жестокостью был отмечен этот период и тем хуже оказывалось положение дел. В так называемые века веры, когда люди действительно верили в христианскую религию во всей ее полноте, существовала инквизиция с ее пытками; миллионы несчастных женщин были сожжены на кострах как ведьмы; и не было такого рода жестокости, которая не была бы пущена в ход против всех слоев населения во имя религии.

Взгляните на мир вокруг себя - и вы обнаружите, что каждая крупица прогресса в человеческих чувствованиях, каждое улучшение в уголовном законодательстве, каждый шаг, направленный на то, чтобы в мире было

меньше войн, каждый шаг, сделанный с целью улучшить отношение к цветным расам, или любое смягчение рабства, любой нравственный прогресс, имевший место в мире, - все это неизменно наталкивалось на противодействие организованных церквей мира. И с полной ответственностью за свои слова я заявляю, что христианская религия в своей церковной организации была и все еще продолжает оставаться главным врагом нравственного прогресса в мире.

В этом рассуждении совершенно не ясна аналогия с героем книги Батлера. Если Рассел имел в виду Иисуса Христа, то, во-первых, известно, что Спаситель ни перед кем не отрицал Своей особой миссии на земле, но, напротив, выделял её беспрецедентность и при том безотносительно какого-либо социально-государственного значения. Скорее наоборот, она нередко становилась «мечём», рассекающим ткань внешнего благочестия ветхозаветных основ. Во-вторых, в плане какого-то «предохранения от пороков» пришествие Христа совершенно бессмысленно: все необходимые предписания для нравственного скрепления общества, а также личной формальной добродетельности были даны через Моисея.

Далее, совершая в своих нападках не слишком плавный переход от Христа к христианству, Рассел обрушивается на сам довод о том, что без религии человечество лишается стимула к добродетели, и тем самым открывает себе путь к безудержным порокам. Но где тут обнаруживается эмоциональный фактор – не понятно: перед нами вполне рациональный ход мысли многих защитников религии в странах европейской культуры. Конечно же, это самое поверхностное, примитивное, отчасти ветхозаветное представление о назначении религии, но на определённом этапе духовного младенчества человека и такое необходимо. Ясно, что в сознании христианина с определённым стажем церковного опыта религия вовсе не уподобляется сверхчувственному уголовному кодексу. Она ни в коем случае не сводится к психологической системе защиты общества от самого себя. Однако Рассел в желании противостоять наивному рационалистическому представлению о существовании религии прибегает к аргументации ещё более наивной. Неужели же в представлении Рассела все деятели государства только и делали, что боролись за прогресс и улучшение жизни всех слоёв общества, а религиозные – только и делали, что мешали им это осуществлять? Вряд ли уважаемый мыслитель станет отрицать, что всё-таки гораздо чаще в истории как западной, так и восточной христианской Церкви было наоборот. Но, не считая нужным отделять всё тех же мух от котлет, он отождествляет религию как идею с действиями определённого управленческого аппарата церковной иерархии, который берётся за её выражение. Несомненно, что инквизиция, обскурантизм и прочее подобное представляет собой зло. Однако если следовать логике Рассела, то в ошибках врачей, которые, например, поставили неправильный диагноз и затем залечили до смерти больного, виновата, прежде всего, сама медицина как наука. В преступлениях тоталитарного режима и его диктаторов – Сталина,

Гитлера и прочих – виновата сама идея государства. А ведь, кроме того, даже история развития науки знает немало случаев, когда величайшие открытия естествознания и сами первооткрыватели поднимались на смех своими современниками. Быть может, в этом повинна наука как таковая? Понятно, что здесь надо отличать искусственные идеи – большевизм, фашизм и прочее, исходящее от ума всевозможных утопистов, фанатиков и спасателей человечества во имя своё, от институтов, органичных современному состоянию рода людского – медицины, науки, государства и, конечно же, религии.

Как Церкви задерживали прогресс

Вы можете подумать, что я хватил через край, когда заявил, что христианская религия все еще продолжает оставаться главным врагом прогресса. Я же полагаю, что я совершенно прав. Возьмите такой факт. Прошу вас извинить меня за то, что я его упоминаю. Факт этот не из приятных, но церкви вынуждают нас упоминать факты, не принадлежащие к разряду приятных. Представим себе, что в том мире, в котором мы живем ныне, неопытная девушка свяжет себя узами брака с сифилитиком; в подобном случае католическая церковь заявляет: "Это - нерасторжимое таинство. До конца своих дней вы обязаны оставаться вместе", и женщина не имеет права предпринимать никаких шагов, чтобы предотвратить появление на свет сифилитических детей. Вот что заявляет католическая церковь. Я же говорю, что это - дьявольская жестокость; и ни один человек, у которого естественные симпатии не оказались извращенными догмой или нравственная природа не омертвела совершенно для всякого чувства сострадания, не может утверждать, что продолжение подобного состояния вещей справедливо и правильно.

Сказанное - не более чем пример. Существует великое множество путей, при помощи которых церковь, настаивая на том, что ей угодно называть нравственностью, и в наше время причиняет различным людям незаслуженные и ненужные страдания. И как вам, разумеется, известно, церковь в лице большей части своих представителей все еще продолжает оставаться противником прогресса и улучшения во всем, что ведет к уменьшению страданий в мире, ибо ей угодно приклеивать ярлык нравственности к определенному узкому кодексу правил поведения, которые не имеют никакого отношения к человеческому счастью. А когда вы заявляете, что следует сделать то или другое, ибо сделанное вами будет содействовать человеческому счастью, церковники полагают, что это вообще не имеет никакого отношения к делу. "Какое отношение человеческое счастье имеет к нравственности? Ведь цель нравственности заключается вовсе не в том, чтобы сделать людей счастливыми. Цель нравственности - сделать их пригодными для неба". И, надо думать, непригодными для этого мира.

Под этим звучным заголовком, предполагающим целое историческое исследование «регрессивных происков» всех церквей, Рассел ограничивается лишь одним примером, реальность которого крайне сомнительна, иначе автор, думается, не преминул бы об этом заявить. Разумеется, никто не собирается отрицать факты всевозможных ригористических проявлений и мракобесия со стороны церковных людей, в том числе и священников. Но в недрах самой Церкви здравомыслящими христианами всё это объявляется маргинальным, не имеющим ничего общего с христианством. Что же касается конкретного примера с девушкой, то, допустим, что такое в принципе возможно, но только в одном случае: если юное существо настолько влюблено, что полностью потеряло голову, сделав подобный шаг. И что дальше? Получается, по Расселу, что для молодой жены лучше уйти от мужа с тёмным прошлым, убив к нему своё чувство, нежели терпением и жертвенной любовью выдержать удар, сделав всё возможное, чтобы человек вылечился и, быть может, встал в нормальное русло жизни. Ох, сомнительно, чтобы сама жена приняла такое расселовское решение. Предположим, вероятность положительного исхода не велика, но, даже вынося за скобки чисто религиозные представления и обращаясь к понятию силы любви, творящей подчас чудеса, шанс должен быть предоставлен. Если же муж оказывается на поверку неисправимым негодяем, то, как правило, он сам оставляет свою жену. Так что с этим примером Рассел уже как светский психолог-гуманист допускает явный просчёт.

Интересно, какая логика заставила Рассела думать, что пригодность для неба означает непригодность для этого мира. Получается, что все, кого Церковь причислила к лику святых, абсолютно ничего для блага других людей на земле не сделали, а сами, предвкушая лишь небесные блага, были здесь страшно несчастными. Подобное представление не согласуется не только с агиографическими источниками, но и с реальными историческими жизнеописаниями. Кроме того, вопрос непременно должен заостриться также и на понятии о самом человеческом благе. Здесь уместно будет вспомнить Сократа, личность которого в глазах Рассела стоит на высочайшем пьедестале. Так вот, Сократ, как повествует о нём Платон в своём «Горгии», сравнивал искусство повара с искусством врача. Если забота первого направлена на услаждение вкуса, зачастую нанося впоследствии вред здоровью и причиняя огромные страдания телу, то врач, напротив, заботится именно о здоровье нередко в ущерб вкусовым ощущениям. Эту аналогию Сократ проводил, сопоставляя благо утилитарного красноречия софистов с благом истинной мудрости; но её же можно применить и к соотношению блага духовного с удовольствиями человеческих страстей. Если же следовать расселовскому понятию о счастье, то шаловливые дети вполне могут обвинить своих родителей в «задержании их прогресса». *Мы хотим играть и развиваться, прогрессировать хотим в наших развлечениях, а нам тут какие-то уроки навязывают, всякие дела по дому делать заставляют, да ещё и запугивают: мол, если не будем себя принуждать, – оболтусами вырастем.*

Страх – основа религии

Религия основана, на мой взгляд, прежде всего и главным образом на страхе. Частью это ужас перед неведомым, а частью, как я уже указывал, - желание чувствовать, что у тебя есть своего рода старший брат, который постойт за тебя во всех бедах и злоключениях. Страх - вот что лежит в основе всего этого явления, страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью. А так как страх является прародителем жестокости, то неудивительно, что жестокость и религия шагали рука об руку. Потому что основа у них обеих одна и та же - страх. В этом мире мы начинаем ныне понемногу постигать вещи и понемногу подчинять их с помощью науки, которая шаг за шагом прокладывает себе дорогу, преодолевая вражду христианской религии, вражду церковей и сопротивление всех обветшалых канонов. Наука лишь может помочь нам преодолеть тот малодушный страх, во власти которого человечество пребывало в продолжение жизни столь многих поколений. Наука может научить нас - и этому, я думаю, нас могут научить наши собственные сердца - перестать озираться вокруг в поисках воображаемых защитников, перестать придумывать себе союзников на небе, а лучше положиться на собственные усилия здесь, на земле, чтобы сделать этот мир местом, пригодным для жизни, а не таким местом, каким его делали церкви на протяжении всех этих столетий.

Ну что ж, этот банальный упрек в страхе, который бросают религии почти все атеисты, содержит свою правду. Да, для многих людей вход в религию пролегает именно через самый простейший страх за состояние своей души. Прежде чем душа ощутит положительный религиозный стимул, т. е. духовные переживания, неземную радость и свободно устремится к ним, предпочитая всему остальному, она должна познать и принять стимул отрицательный, т. е. страх Божий. Не случайно автор библейской книги «Притчей Соломоновых» восклицает: «Начало премудрости – страх Господень» (Прит. 1, 7). Но интересно, когда почтенный лорд Бертран Рассел направлялся в поликлинику, что наверняка неоднократно имело место в течение его очень продолжительной, 98-летней жизни, то что же им, спрашивается, двигало: научный интерес, любовь к медицине, к врачам, к лекарствам и инструментам, или что иное? Думается, всё тот же простейший страх: страх за дальнейшее состояние своего тела, страх, который подчас очень усиливается физической болью. А союзником, защитником и старшим братом одновременно становится в данный момент, момент серьёзной боли, врач, который реально в силах помочь – ослабить боль, поставить диагноз и предписать лечение. Как убедились мы в прошедшем XX веке, ни наука, ни головокружительный технический прогресс не способны освободить нас не только от душевных страданий, но и от таких величайших социальных бедствий как войны и тирании. Так что эти технократические грёзы века XIX были благополучно погребены под руинами тоталитарных монстров России

и Германии, и вряд ли на сегодня кто-то из серьёзных учёных чаёт их воскресения. А всесилие науки встаёт на полку истории прошлого в ряд с другими кумирами человечества, привлекавшими к себе на какое-то время веру многих миллионов сердец.

Что мы должны делать

Нам надо стоять на своих собственных ногах и смотреть прямо в лицо миру - со всем, что в нем есть хорошего и дурного, прекрасного и уродливого; видеть мир таким, как он есть, и не бояться его. Завоевывать мир разумом, а не рабской покорностью перед теми страхами, которые он порождает. Вся концепция бога является концепцией, перенятой от древних восточных деспотий. Это - концепция, совершенно недостойная свободных людей. Когда вы слышите, как люди в церкви уничижают себя и заявляют, что они несчастные грешники и все прочее, то это представляется унижительным и недостойным уважающих себя человеческих существ. Мы же должны стоять прямо и смотреть открыто в лицо миру. Мы должны взять от мира все, что он может дать; и если это окажется меньше того, что нам хотелось бы, то в конце концов на нашу долю достанется все же больше, чем удалось взять от мира на протяжении всех минувших веков другим людям. Хорошему миру нужны знание, добросердечие и мужество; ему не нужны скорбное сожаление о прошлом или рабская скованность свободного разума словесами, пущенными в обиход в давно прошедшие времена невежественными людьми. Хорошему миру нужны бесстрашный взгляд и свободный разум. Ему нужна надежда на будущее, а не бесконечные оглядки на прошлое, которое уже умерло и, мы уверены, будет далеко превзойдено тем будущим, которое может быть создано нашим разумом.

Здесь уже слышится голос отнюдь не скептика, за которого Рассел иногда себя выдавал. Это голос настоящего верующего и исповедующего догмат о спасении человека через его собственный разум и науку. Исповедание совершенно иррациональное, в котором один его конец даже близко не способен подойти к другому. Спрашивается, какой же смысл в «надежде на будущее», если впереди не только личная смерть как обращение человека и его сознания в полное небытие (тоже один из догматов атеизма), но и конец всей органической жизни во вселенной? Ну, допустим, если даже созданное нашим разумом в будущем далеко превзойдёт всё прошлое..., и что из этого? Ведь всё равно же ещё чуть-чуть дальше наступит смерть и небытие, а перед смертью, как гласит поговорка, не надышишься. И разве такого рода футурологический пафос Рассела с его верой в свободу смертников, наподобие веры в то, что через две точки невозможно провести ни одной прямой, не противоречит многим, казалось бы, гораздо более убедительным альтернативным аксиомам? Не подобен ли этот пафос иступлённому «ура» во время смертной атаки необученных солдат – пафос,

которым атеизм пытается заглушить свой страх перед бессмысленностью жизни и закономерным выходом в самоубийстве?

Итак, несложный анализ воспроизводимых здесь атеистических рассуждений английского мыслителя лорда Бертрана Рассела приводят нас к выводу, что ни логический подход, ни тем более скептицизм нельзя считать подлинной причиной его антихристианской, антирелигиозной веры. Однако в собственном резюме упомянутой уже полемики с отцом Ф. Коплстоном, переданном по британскому радио в 1948 г., Рассел приоткрывает некоторые более реальные мотивы своей позиции. Он говорит следующее: *«Когда логика, которой пользуется отец Коплстон, была внове – а именно во времена Аристотеля, – вокруг неё, должно быть, было много шума: Аристотель наделал много шума из этой логики. В наши дни она стала старой и респектабельной, и её значения не следует преувеличивать. Логика, в которую верю я, сравнительно нова, и поэтому я должен подражать Аристотелю в создании вокруг неё некоторого шума...»*. Исходя из такого рода откровений Рассела о своей вере в новую, неаристотелеву, логику само собой напрашивается очень простое предположение: а не есть ли его бравый атеизм – всего лишь эпатаж, предназначенный для создания того самого шума, который автор логических новаций считал необходимым для утверждения собственных разработок? Но тогда получается, что на самом деле Рассел бросает вызов в первую очередь не религии и даже не Христу, а законам человеческого мышления. Впрочем, в начале XX века вся западная культура сотрясалась от вызовов как законам гармонии, так и нравственности. Нудисты вызывали к барьеру стыд, а футуристы сбрасывали с корабля современности имена великих мастеров искусства. И логику эта волна тоже, как мы видим, не обошла стороной. Однако удар волны о скалу сокрушает не скалу, а волну. Если «сбрасыватели» Пушкина и заняли место на корабле современности, то не выше трюма, тогда как боговдохновенная гениальность продолжает возвышаться и светить миру.

Великие естествоиспытатели не изобретают законы, но открывают их. И гениальность Аристотеля заключалась не в том, что он придумал принципы мышления или свою Аристотелеву логику. Нет, он просто описал, формализовал объективную способность человека к умозаключению и познанию мира. Он представил рассуждение о рассуждении, или то, что сейчас бы назвали мета-рассуждением. Рассел же вслед за многими авангардистами XX века, творцами какофоний и расщеплённых гармоний, решил создать свою т. н. атомарную позитивистскую логику, на которую нужно было направить огромную веру, оторвав её от того, что дано человеку свыше. Вот поэтому, быть может, Рассел и не христианин.